

УДК 808.5

*Белорусский государственный университет
Кандидат психологических наук,
доцент кафедры теории
и практики перевода
Уланович О.И.
Беларусь, г. Минск,
e-mail: oksana.ulanovich@mail.ru
тел.: +375292589227*

*Belarusian State University
The chair of translation theory and practice
PhD, associate professor
Ulanovich O.I.
Belarus, Minsk,
e-mail: oksana.ulanovich@mail.ru
tel.: +375292589227*

О.И. Уланович

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ В ТЕХНОЛОГИИ МЕДИАФРЕЙМИНГА В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье раскрывается суть коммуникативной технологии медиафрейминга как способа воздействия на оценки и мнение аудитории посредством особой эстетической формы подачи информации, а также анализируется потенциал антропоцентрических проекций в политическом фрейминге. Медиафрейминг – это способ преподнесения аудитории фактов и явлений, когда они «упаковываются» во фрейм – некоторый существующий уже в массовом сознании образ-оболочку с заранее определенными характеристиками; при этом оценки и отношение переходят с данного образа на преподносимое политическое явление. Через антропоцентрические фреймы в русскоязычном коммуникативном пространстве акцентируется целенаправленность, сознательность и даже злонамеренность политических субъектов и их действий; тогда как в англоязычном политическом дискурсе – через доминирующие фреймы физических и психических недугов человека, болезней и судьбоносных обстоятельств подчеркивается идея неподвластности, неконтролируемости и фатальности ситуаций и действий.

Ключевые слова: медиафрейминг, политический дискурс, политическая коммуникация, антропоцентрические проекции, метафорические образы.

O.I. Ulanovich

ANTHROPOCENTRIC IMAGES IN MEDIA FRAMING TECHNOLOGY IN THE ENGLISH AND RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

The article concerns communication technology of media framing as a way of influencing on the assessments and opinions of the audience through a special aesthetic form of presenting information; the potential of anthropocentric images in political framing is revealed. Media framing is a way of delivering facts and phenomena to the audience where they are presented within a frame, that is a certain image-shell already existing in the mass consciousness with predetermined characteristics; assessments and attitudes are shifted from this image to the presented political phenomenon. Anthropocentric frames – images from the sphere of the physical, mental and social existence of a person – are actively used in political communication for metaphorical modeling of subjects of politics, the state of the world and relationships in politics. Things transmitted through anthropocentric frames in Russian political communication are purposefulness, conscientiousness and even malicious intent of political actors and their actions; while in the English-language political discourse the effects of uncontrollability and fatality of situations and actions are emphasized through dominant frames of physical and mental disorders of a person, diseases and fateful circumstances.

Key words: media framing, political discourse, political communication, anthropocentric frames, metaphorical images.

Современное массмедийное пространство выступает транслятором различных коммуникативных интенций и платформой реализации различных дискурсивных практик и демонстрирует все более и более тесное сращение с разными видами дискурса. В предметно-дискурсивном поле медиакоммуникации сегодня доминирует политическое общение. Массмедийная среда предоставляет все более совершенные и усложненные формы взаимодействия субъектов в пространстве политической коммуникации, отличающиеся многослойностью, многозначностью и интерпретативным разнообра-

зием. К таковым относятся технологии имиджирования, рекламы, брендинга, медиакультурного импринтинга и др., позволяющие конструировать весьма конкурентоспособные образы субъектов политики и политических институтов. В ряду отмеченных выше медиатехнологий достойное место занимает и коммуникативная технология медиафрейминга.

Являясь «одним из самых дискуссионных в тезаурусе политической коммуникативистики» [1, с. 86], понятие *фрейминг*, в целом и общем, предполагает акцентирование отдельных аспектов преподносимых явлений с целью подведения реципиентов к формированию вполне определенных оценок, установок, к соглашению с транслируемыми «диагнозами» и даже с навешиваемыми «ярлыками», к принятию «правильных» моральных суждений и предписаний. Важным при этом является способ акцентирования той или иной стороны явления – способ высвечивания через фрейминг. По образному определению фрейминга А.А. Казакова, медиапространство позволяет «упаковывать» событие в уже имеющийся шаблон», имплантировать его в ««оболочку»-фрейм» [1, с. 87], который определенным образом и преподносит явление публике: высвечивает одни его стороны, затемняет или ретуширует другие. Это и обеспечивает манипулятивный потенциал медийных фреймов и их отличие от когнитивных схем или «немедийных» фреймов. Можно утверждать, что фрейм – это тот **символический контекст, который мотивированно преобразует социальные значения в личностные смыслы.**

Среди разнообразия вербально-когнитивных инструментов реализации технологии политического медиафрейминга в политической риторике особого внимания заслуживает метафорическое проецирование. При этом метафору никак не следует сводить к тропу – стилистическому средству художественной образности. Метафора – это когнитивный механизм, основанный на взаимодействии двух понятийных областей: мира объектов метафорической характеристики и мира экспансии образов для метафорического сравнения, которое реализуется через ассоциирование за счет усмотрения подобия, сходства, аналогии между объектами из этих двух областей.

Осуществленный нами контекстуально-семантический анализ ряда англо- и русскоязычных публичных выступлений современных политиков позволил сформировать экспериментальный корпус контекстных эпизодов, включающих выражения метафорического типа. Структурно-семантический анализ контекстных эпизодов обнаруживает, что сферами экспансии метафорических фреймов – являются: **мир живой и неорганической природы, артефактный мир** человеческого бытия, а также сам **человек** в его **физическом, психическом, духовном и социальном существовании** в соответствии с антропоцентрическим принципом человеческого мировосприятия.

В.Н. Телия обоснованно отмечает факт антропоцентричности и антропомерности метафоризации как когнитивного процесса, поскольку наиболее часто актуализируемыми феноменами являются таковые именно из мира человека [2]. Согласно антропоцентрическому принципу человек является «мерой всех вещей»: выбор того или иного основания для метафорической проекции связан со стремлением человека соизмерять все новое для него (в том числе и фактически несоизмеримое), во-первых, по своему образу и подобию, а во-вторых, с явлениями, обеспечивающими его существование в обществе. Этот принцип проявляется в создании антропомерных эталонов или стереотипов, которые выступают своего рода ориентирами в качественном (или количественном) восприятии и оценке окружающей действительности.

Метафорический потенциал антропоцентрического кода в создании фрейминговых эффектов проявляется как в активной поставке прототипических образов из сфер *психической* и *социальной* жизни человека, области его *физических характеристик и здоровья*, так и в широком диапазоне объектов метафорической характеристики. К таковым относятся следующие реалии политического пространства: индивидуальные и групповые субъекты политики (отдельные личности, государства, партии, движения), мир / планета, политические действия, взаимоотношения между субъектами, политический миропорядок.

Так, в выступлении Дж. Керри *миру / планете* как объекту метафорической характеристики атрибутируются следующие типично человеческие физические качества и физиологические состояния: *world's eyes, the face of the Earth, the heart of Europe, bleeding, main artery, organic process* и т. д. Это, можно полагать, создает фрейминговый эффект максимальной сопричастности, соучастия, сопереживания:

– *the humanitarian disaster that is unfolding before the world's eyes...* – ‘гуманитарная катастрофа, которая разворачивается **на глазах у всего мира**’;

– *the massive influx of refugees that has now spread <... > into the heart of Europe* – ‘поток беженцев, который сейчас проник в самое **сердце** Европы’ (Дж. Керри).

Сирии, подавляемой, по мнению говорящего (Дж. Керри), диктатом власти атрибутируются человеческие физические страдания: в ней **подвергаются удушению** проявления оппозиции (*any attempt to develop an organized political opposition choked off*), что провоцирует **внутреннее нагноение** в организме (*sectarian differences <...> festered beneath the surface*). Страна страдает от **удушения** и **мертвой хватки** как со стороны экстремизма, так и со стороны руководителя-диктатора: *the stranglehold of extremists on the one side and the stranglehold of a dictator on the other*. И эти физические страдания должно воспринимать как крайне горестные с учетом исторического статуса территории, представленной в онтологическом образе общего кровного прародителя: *They [Damascus and Aleppo] are part of Mesopotamia, the cradle of civilization* – ‘Они – часть Месопотамии, **колыбели цивилизации**’; *the region where civilization itself was born* – ‘место **рождения** самой цивилизации’ (Дж. Керри).

В свете антропологической проекции истерзанная войной Сирия уподобляется нуждающемуся в излечении больному человеку: *The longer this terrible civil war lasts, the harder it will be for the country to recover, and the more wounds of body and mind we will see opened – wounds that can never be truly closed* – ‘Чем дольше продолжается гражданская война, тем сложнее для страны **процесс выздоровления**, и тем больше появится **телесных и душевных ран** – **ран**, которым не суждено **зарубцеваться**’ (Дж. Керри).

Через антропоцентрическую проекцию в речах Трампа передается оценка ситуации в Сирии и Венесуэле как **трагедии**: *The ongoing tragedy in Syria is heartbreaking; Currently, we are witnessing a human tragedy, as an example, in Venezuela*. При этом в понятии «трагедия» (термин, обозначающий жанр драматического искусства) заключено своего рода признание судьбоносности событий, их неотвратимости.

Антропоцентрическая метафорическая проекция в англоязычном политическом дискурсе наделяет недемократические мировые режимы такими характеристиками, несвойственными культурному уровню человека, как

– **варварство**: *...when barbarous acts and aggression go unchecked – dictators and terrorists are emboldened* (Тереза Мэй));

– **дикая жажда / страсть**: *Socialism's thirst for power leads to expansion, incursion, and oppression* (Трам);

– **зверский аппетит**: *Does anyone seriously believe that flooding Iran's radical theocracy with weapons and cash will curb its appetite for aggression?* (Биньямин Нетаньяху).

Перефразируя название психического заболевания «синдром дефицита внимания» генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш характеризует сегодняшнее состояние мира как тяжелый случай синдрома дефицита доверия: *Our world is suffering from a bad case of "Trust Deficit Disorder"*.

Нами было замечено, что несколько иная проекция доминирует в антропоцентрических фреймах при создании метафорического образа современного мира в выступлениях Путина и Лаврова: акцентируется не столько физические или физиологические характеристики человека, сколько его *социально-психологические* качества. Так, в мире *«главствует эгоизм»*, наблюдаются симптомы *«растущего экономического эгоизма»* (Путин), что неприемлемо *«для большинства членов семьи Объединенных наций»* (Лавров). При этом отдельные страны-лидеры, у которых все еще доминирует *«блоковое мышление времен 'холодной войны'»* (Путин), используют *«язык силы»* (Лавров), *«играют и манипулируют словами»* (Путин). Влиятельные политические игроки (страны), убежденные в своей избранности в силу социально-психологического *«комплекса исключительности и превосходства своих обычаев»*, пытаются *«продиктовать со стороны готовые рецепты демократического устройства» «под предлогом сохраняющегося спроса на лидерство в международных делах»* (Лавров) и эгоистично *экспортируют* социальные эксперименты: *«Экспорт социальных экспериментов, попытки подстегнуть перемены <... > приводили не к прогрессу, а к деградации», «экспорт теперь уже так называемых 'демократических' революций продолжается»* (Путин).

Лицемерие (по мнению российской власти) мировых субъектов политики (государств и их лидеров) также вскрывается через атрибутирование им паттернов мотивированных социальных действий человека. Так, известные претенденты на мировое господство *«поначалу пестовали [ИГИЛ] как орудие против неугодных светских режимов»*, а теперь открыто *«заигрывают с террористами»* и *«закрывают глаза на каналы финансирования и поддержки террористов»* (Путин).

Тем самым очевидно, что такая метафорическая проекция в выступлениях российских политических лидеров формирует несколько иной фрейминговый эффект: задается картина определенной целенаправленной и расчетливой политической активности ряда символических фигур, обладающих определенными морально-ценностными качествами и движимых вполне осознанными мотивами. При этом в англоязычном политическом дискурсе, как было отмечено выше, через антропоцентрические метафорические проекции в политическом миропорядке подчеркиваются состояния физических дисфункций, болезней, психологических недугов, судьбоносности трагедий.

Сегодня в фокусе внимания современных политиков образ **экстремизма / терроризма**, в создании которого посредством фрейминга также активно используются антропоцентрические метафорические проекции. Замечено, что как в русско-, так и в англоязычных политических выступлениях государственных лидеров метафорический портрет воинствующего **экстремизма / терроризма** формируется через прототипический образ **болезни** в стадии обострения и образ **нездорового человека** с широким спектром симптоматики физического или психического нездоровья.

В свете типично антропологических ассоциаций в речи Обамы конструируется весьма негативный портрет экстремизма: он и:

– *the cancer (of violent extremism)* ‘раковая опухоль’, *that has ravaged so many parts of the Muslim world* ‘которая опустошила (уничтожила) многие страны мусульманского мира’;

– *a pervert* ‘страдающий извращениями человек’, *who has perverted one of the world’s great religions* ‘который извратил (совратил) одну из великих религий мира’;

– *madness* ‘безумие’, для избавления от которого требуется *antidote: these investments [programs to support entrepreneurship and civil society, education and youth] are the best antidote to violence* ‘такие инвестиции являются лучшим противоядием насилию’ (Обама).

Фреймы болезни и физически или психически больного человека, в принципе, типичны при создании антропоцентрического метафорического образа терроризма в англоязычной политической коммуникации в целом. Терроризм – это:

– **раковая опухоль: metastasizing threats** – ‘разрастающаяся подобно опухоли угроза’ (Х. Клинтон);

– **безумие: there is no other way for this madness to end** – ‘не существует иного способа покончить с этим безумием’ (Обама).

– **варварство: a network of lawless savages** – ‘сеть необузданных дикарей’ (Трамп);

– **кроважность: bloodthirsty killers known as ISIS** – ‘кроважные убийцы, известные как ИГИЛ’ (Трамп), *Iran was caught red-handed trying to murder European citizens* (Б. Нетаньяху).

Особенность метафорического образа воинствующего экстремизма в выступлении Российского президента обнаруживается в акценте в русскоязычных метафорах социальности / сознательности совершаемых террористами «безумных» действий, в отличие от «англоязычного» метафорического образа «терроризм-болезнь (физический / психический недуг)». В выступлении Путина терроризм (ИГИЛ) подобно изощренному изуверу «своими кровавыми преступлениями **оскверняет** величайшую мировую религию – ислам», **издевается над исламом и извращает его гуманистический ценности, «сеет зло и человеконенавистничество», «несет <...> прямую угрозу»** мусульманским странам, **«посягает на права и свободу граждан»** (Путин).

Показателен антропоцентрический образ экстремизма / терроризма в русскоязычном политическом дискурсе как:

– **«врага цивилизации, человечества и мировой культуры»** (Путин),

– **«новоявленного мракобеса»**, который **«несет идеологию ненависти и варварства, попирает мораль, ценности мировых религий»** (Путин),

– кукловода и азартного игрока: **«... всегда трудно вести двойную игру...», «... расставлять фигуры на ближневосточной доске в своих интересах»** (Путин);

– институционализированной организации: **«Если бы не Россия, то к концу 2015 года на территории Сирии и Ирака было бы создано квазигосударственное экстремистское образование...»** (В. Герасимов); **«весной 2018 года были ликвидированы террористические анклав»** (С. Гаджимагомедов).

Тем самым негативный метафорический образ **воинствующего экстремизма** в выступлениях англоязычных политиков задается атрибутированием этому явлению порочных действий и нездоровых состояний физически или психически больного человека (безумие, раковая опухоль, развратить,

опустошить). Отрицательный образ *терроризма* в выступлениях русскоязычных политиков формируется также посредством антропологического прототипического образа, однако при акцентировании осознанности и мотивированности совершаемых террористами «безумных» деяний (осквернять, извращать, издеваться, сеять угрозу).

Таким образом, наблюдаемое различие в антропоцентрических образах, формируемых в англо- и русскоязычном политическом дискурсе лежит в плоскости использования русскоязычными политиками преимущественно антропоцентрических фреймов из сферы *социального* существования человека и фреймов из области *физического* и *психического* существования человека – англоязычными политиками. Здесь кроется интересное лингвокультурное различие: в русскоязычной политической коммуникации через антропоцентрические проекции во фрейминге акцентируются аспекты мотивированности, сознательности и даже злонамеренности действий и обстоятельств, а, значит, их контролируемости со стороны субъектов. Тогда как в англоязычной политической риторике фреймы из сферы экспансии «человек» (а именно: фреймы физиологических ощущений, физических состояний и болезни) подчеркивают идею неподвластности, неконтролируемости, спонтанности и фатальности обстоятельств и действий.

Библиографический список

1. Казаков А.А. Фрейминг медиатекстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 85–90.
2. Телия В.Н. Метафора как проявление принципа антропоцентричности в естественном языке // Язык и логическая теория: сб. научных трудов. М.: Наука, 1987. С. 86–192.

References

1. Kazakov A.A. Framing of media texts as a tool for influencing the audience: an overview of common interpretations // Bulletin of Saratov University. Ser. Sociology. Political science. 2014. Vol. 14. Iss. 4. P. 85–90.
2. Teliya V.N. Metaphor as a manifestation of the principle of anthropocentricity in the natural language // Language and logical theory: collection of articles and scientific works. Moscow, 1987. P. 86–192.